

С этой позиции как раз открывался вид на плиту. Тан Сяотан ещё не успел прийти в себя, как увидел, что Сы Ханьцзюэ снял пиджак и ловко завязал простой синий фартук.

Тан Сяотан: [0.0]

— Хозяин ещё и готовить умеет?

Сы Ханьцзюэ занимал высокий пост, характер у него был холодный, подчинённые даже при прямом взгляде на него дрожали от страха.

Кто бы мог увидеть, как этот воздержанный и богатый президент надевает фартук.

Сбросив с себя высокомерную ауру финансового туза, Сы Ханьцзюэ в фартуке сразу стал мягче.

Даже очертания его глаз и бровей излучали лёгкое тепло.

Он закатал рубашку, обнажив тонкую и сильную часть предплечья, ловко достал из холодильника заранее подготовленные продукты и умело принялся мыть и резать овощи.

Всегда идеально уложенные волосы выбились одной прядью, покорно легшей рядом с опущенными глазами и бровями.

Яркий свет кухни переливался, тая в его чёрных волосах трогательную человеческую суету.

Нечаянный образ стал для постороннего взгляда мгновенным очарованием.

Тан Сяотан прикусил губу, в сердце разлилась нежная весенняя вода.

Он с восхищением смотрел на фигуру хозяина, смутно понимая, зачем он здесь.

— Хозяину, вернувшемуся с работы, нужно было общение.

Он был здесь, чтобы составить компанию хозяину за готовкой.

Лёгкая нежная горечь распирала сердце.

— Сахар обязательно будет хорошо сопровождать хозяина, сахар больше всего любит хозяина.

Тан Сяотан дал себе клятву!

— Сахар вот-вот расплачется от собственного умиления.

Тан Сяотан украдкой протёр глаза, хорошо, что слёзы не скатились.

— Нельзя плакать, слёзы сахара самые драгоценные!

Пока Тан Сяотан думал об этом, он увидел, как Сы Ханьцзюэ присел и достал из шкафчика огромный пакет ярко-красного перца чили.

Тан Сяотан: [???

Затем вся тёплая и трогательная атмосфера разлетелась в клочья. Сы Ханьцзюэ взял горсть перца и бросил в сковороду, показалось мало, и он взял ещё полную горсть!

Две полные горсти жёсткого, сверхострого перца-дьявола!

Ярко-красный цвет, глаза у сахара дёргались от остроты.

Едкий запах перца мгновенно распространился, острота, словно сборище демонов, с рёвом набросилась на него!

Острота понемногу усиливалась, пока не вышла за пределы терпимости Тан Сяотана. Слезы, что не скатились, застыв в глазах, тут же хлынули рекой!

— Как хозяин может любить такую остроту?!

Кто бы мог подумать, что холодный и строгий великий президент оказывается страстным любителем адской остроты?!

Тан Сяотан остолбенел от остроты, сахар в ступоре смотрел на хозяина.

Такой контраст немного шокировал сахар.

Наконец Сы Ханьцзюэ выключил огонь, выложил жаркое на тарелку и поставил на стол.

Он поднялся, снял хрустальную шкатулку Тан Сяотана, поставил на край стола и, согнув палец, через шкатулку щёлкнул мармеладного мишку по большой голове.

— Сяотан, пора есть.

Сы Ханьцзюэ слабо улыбнулся, изящно сел и начал есть перец.

Тан Сяотан смотрел, аж язык прикусил.

Мужчина ел перец без тени неловкости, красивое лицо оставалось безупречным, свирепая острота не могла вызвать ни малейшей трещины в холодном выражении.

Он не корчился от остроты, как другие, не проявлял и тени беспомощной паники, светло-загорелая кожа постепенно стала холодно-белой, как снег, эмоции в глазах понемногу скрылись, став спокойными и завораживающими.

Немного поев, на щеках Сы Ханьцзюэ проступил лёгкий физиологический румянец.

Он так же безучастно ел перец, взгляд пустой, устремлённый в пространство. Тяжёлые думы превращались в чёрный холод в глубине глаз, невероятно тяжёлый.

В то время, когда Сы Ханьцзюэ совершенно этого не замечал, мармеладный мишка медленно продвинулся вперёд, раскинул две ручки и, сквозь хрустальную шкатулку, с болью в сердце обнял своего хозяина.

Тан Сяотан понял: хозяин не любит есть перец, он просто таким образом подавляет и контролирует свои эмоции.

Болевое ощущение от перца создаёт чувство разрядки через самоистязание.

— Хозяин выплёскивал эмоции, контролируя своё биполярное расстройство.

Тан Сяотан молча подумал: в шкафчике хозяина приготовлено так много перца, он может без

изменения выражения лица есть даже вкус адской остроты... Неизвестно, сколько раз его самый дорогой хозяин так истязал себя.

Тан Сяотан уныло опустил руку, упёрся лбом в хрустальную шкатулку и молча наблюдал за хозяином.

Холодно-белая кожа Сы Ханьцзюэ скоро покрылась потом, тонкий слой пота покрыл кожу, словно слой прозрачной хрупкой глазури.

Он доел всё блюдо, сжал переносицу и сильно помассировал, наконец подавив внутри тошноту, бурлящую, как магма.

Ярко-красный, обжигающий перец отражался в чёрных глазах, дьявольски, до удушья.

— Брат, не заставляй меня, — тихо сказал Сы Ханьцзюэ.

Тан Сяотан насторожил маленькие ушки.

— Брат?

Это брат хозяина?

Впервые сахар услышал, как хозяин упоминает семью.

Тан Сяотан осторожно наблюдал за выражением лица Сы Ханьцзюэ, остро чувствуя, как при упоминании так называемого брата в его взгляде промелькнула густая неприязнь.

Сы Ханьцзюэ глубоко вдохнул, заставляя себя успокоиться.

Подняв взгляд, он увидел, что розовый мармеладный мишка раскинул ручки, делая в хрустальной шкатулке жест объятия.

Он дотронулся пальцем до шкатулки, мрак в глазах рассеялся, выражение смягчилось:

— Ты беспокоишься обо мне?

Мармеладный мишка молча смотрел на него.

— Всё в порядке, Сяотан. Когда я уничтожу семью Сы, мы будем вместе.

Уголки губ Тан Сяотана приподнялись, словно он был очень рад.

Сы Ханьцзюэ расстегнул несколько пуговиц на рубашке, чтобы немного остыть разгорячённому телу, выбросил тарелки в посудомоечную машину, взял хрустальную шкатулку, вернулся в спальню и сразу пошёл мыться.

Зазвучал шум льющейся воды. Тан Сяотан склонил голову набок, уголки губ опустились.

— Ему нравилось слушать голос хозяина, но для хозяина это было всего лишь разговор с конфетой вслух, верно?

У его хозяина не было друзей, не было семьи, все свои переживания он мог высказать только конфете, разговаривая сам с собой.

Хотя дело со шпионом было прекрасно разрешено, презентация прошла безупречно, но почему же хозяин сегодня так печален?

— Кто же этот брат?

Как сахар может развеселить хозяина?

Тан Сяотан поворачивал глазами и увидел лежащий рядом пакет с конфетами.

— Красивые конфеты, такие же сладкие, как он.

Тан Сяотан оттолкнул хрустальную шкатулку. Застёжка после нескольких ударов уже довольно ослабла, хотя внешне выглядела целой, что как раз удобно для перемещений Тан Сяотана.

Он выпрыгнул из шкатулки, залез в пакет с конфетами, порылся там, нашёл самую красивую мармеладку рисово-красного цвета, затем уселся на краю тумбочки, взял конфету и стал откусывать понемногу.

Кусочек за кусочком, одновременно внимательно прислушиваясь к звукам из ванной, он маленьким ртом старательно выгрызал из круглой конфеты форму сердца.

Как только шум воды в ванной прекратился, Тан Сяотан вытер ротик, отнёс сердечко обратно в пакет с конфетами, быстро-быстро побежал обратно в свою хрустальную шкатулку и даже серьёзно сам защёлкнул застёжку.

Сы Ханьцзюэ принял холодный душ, и только тогда его тревожное сердце постепенно успокоилось.

Такова была его борьба с проклятым биполярным расстройством. Каждый раз, когда он чувствовал беспокойство, он изо всех сил ел перец, чтобы смягчить эмоции, и принимал холодный душ, чтобы успокоить себя.

С восьми лет, когда впервые проявилось биполярное расстройство, за исключением внезапных приступов, он уже хорошо умел контролировать себя.

Холодная вода унесла его тёплое тепло. Выходя из ванной, Сы Ханьцзюэ невольно вздрогнул, в голове медленно всплывали предыдущие события.

Тот, кто мог незаметно подсунуть человека в его компанию и сорвать такую важную презентацию, был только его злейшим врагом — его единокровным братом Сы Чэном.

Братская вражда, борьба не на жизнь, а на смерть, все эти годы противостояние никогда не прекращалось.

Сы Ханьцзюэ потер переносицу, изо всех сил отгоняя эти надоедливые воспоминания. Окутанный влажным воздухом, он сел на край кровати, взял мармеладного мишку из хрустальной шкатулки и, с улыбкой, устремил взгляд на сладкую и мягкую улыбку мармеладки.

Жизнь серая, а улыбка мармеладки розовая.

Мрачное настроение успокоилось, тяжёлое тело стало легче.

Сы Ханьцзюэ положил мармеладку, повернулся, и халат соскользнул.

У Тан Сяотана перехватило дыхание.

Сы Ханьцзюэ вытер тело, достал чистую пижаму и надел её. Пижамы была серебристо-серой, простого и уютного фасона, воротник открывал большой участок обнажённой кожи. Влажные волосы прилипли к щекам, выразительные черты лица были влажными, словно покрытая росой трава после дождя.

Он положил мармеладного мишку на место, но, опустив голову, увидел пакет с конфетами рядом с хрустальной шкатулкой.

Это были запасные конфеты, купленные ранее в кондитерской для починки мармеладного мишки, они всё время лежали здесь, и горловина пакета почему-то слегка приоткрылась.

Сладкий конфетный аромат распространился, с каждым вдохом проникая в лёгкие, создавая чувство удовлетворения и приятного удовольствия.

<http://bllate.org/book/15589/1395434>